

В диссертационный совет МГУ. 051.3
Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова по
адресу: Москва, Ленинские горы, д. 1, стр.
13-14, 4-й корпус, Юридический
факультет.

ОТЗЫВ

официального оппонента – доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой конституционного права и конституционного судопроизводства Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (РУДН) Еремяна Виталия Владимировича на диссертацию Алексеевой Татьяны Анатольевны «Институт главы государства в XIX - XX вв. (историко-правовое исследование)», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.1 - «Теоретико-исторические правовые науки» (Москва, 2022. - 366 с.).

Тема диссертационного исследования, направленная на всестороннее изучение и критический анализ вопросов организации и функционирования института главы государства в рамках единого механизма публичной власти стран с монархической формой правления и демократическим политическим режимом, представляется чрезвычайно актуальной, востребованной и научно обоснованной, поскольку обусловлена современными тенденциями развития взаимодействия органов государственной власти и теми процессами, которые актуализируются в последние десятилетия в Испании на общенациональном и региональном уровне управления. Соответствующие проблемы, периодически возникающие в процессе осуществления власти центральными органами и региональными структурами управления, повлекли за собой необходимость комплексного научно-теоретического и историко-правового осмысления и переоценки статуса, особенностей и специфики главы государства в качестве системообразующего публично-правового института, становление и развитие которого во многом было вызвано или спровоцировано не только тенденциями исторического процесса, но и характером общественных отношений.

Говоря об актуальности темы исследования, соискатель справедливо констатирует, что монархическая форма правления до сих пор сохранила свое значение, эволюционируя и институционально трансформируясь вместе с изменениями политической жизни в Испании в условиях не прекращавшейся борьбы различных социальных групп, соперничества политических партий и общественных объединений, острых идеологических дискуссий, наложивших отпечаток на конституционно-правовой статус, права и обязанности главы государства в соответствии с тенденциями конституционного развития страны и вступлением в силу очередного промульгированного учредительного акта.

В работе четко поставлена и достигнута цель, состоявшая в разработке авторской научной концепции эволюции публично-правового института главы государства в контексте становления и развития монархической формы правления, включающей ее этапы, модели института, базовые принципы его организации и функционирования, типологию взаимоотношений с органами государственной власти и управления, для реализации которой были решены логически выверенные задачи.

Достоверность и новизна диссертационного исследования обеспечены весьма широким спектром теоретических и эмпирических научных методов. Использование метода семантического анализа и формально-юридического метода способствовало формулированию базовых определений и дефиниций. Системно-структурный метод позволил достаточно четко определить логику исследования и вопросы организационного взаимодействия монарха как главы государства, представительных, исполнительных и судебных институтов общенационального и регионального уровня, определить конституционно зафиксированную компетенцию главы государства в механизме публичной власти. Сравнительно-правовой метод в страноведческом, темпоральном, синхронном и диахронном аспектах позволил сопоставить и оценить модели монархической формы правления на различных этапах государственного строительства, выявить отличительные черты, особенности и специфику тех тенденций, которыми характеризовался этот процесс.

Актуальность и научная новизна темы исследования, которые в целом не вызывают каких-то сомнений принципиального характера, помимо прочего обусловлены тем существенным обстоятельством, что за последние годы в рамках науки истории государства и права на уровне монографических работ, кандидатских или докторских диссертаций не уделялось должного внимания вопросам сравнительного правоведения и историографии, преимущественно ограничиваясь литературой, предназначенной для учебного процесса. Обладая рядом научных школ дореволюционного и советского периодов, крупнейшие представители которых относятся к золотому фонду отечественной и мировой науки, мы в большей или меньшей степени утратили те позиции, которые еще не так давно занимали, на равных конкурируя с ведущими компаративистами зарубежных стран. Заслуга рецензируемой диссертации состоит в том, что она во многом восполняет этот пробел, продолжая традиции, которые «чиновники от науки» в свое время посчитали нецелесообразным развивать, отказавшись от изучения большинства фундаментальных историко-правовых проблем.

Рецензируемое исследование отличается критичностью, системностью и последовательностью анализа общих и частных вопросов, составляющих в совокупности предмет и объект исследования, ясностью изложения научного материала. Диссертация обладает внутренним единством, содержит научные результаты и положения, что свидетельствует о значительном личном вкладе соискателя в науку истории государства и права.

Структура диссертационной работы логически обоснована и включает в себя введение, пять глав, разделенных на параграфы, заключение, обширный список использованной литературы и пять приложений.

Во введении диссертант концентрированно определяет актуальность, теоретическую и практическую значимость работы, степень разработанности, научную новизну с положениями, выносимыми на защиту. Большое уважение вызывает общее количество авторских публикаций, в том числе переведенных на русский язык и введенных в научный оборот, в которых апробированы результаты диссертационного исследования.

В первой главе диссертации, посвященной определению понятия главы государства в испанской политико-правовой традиции, и этапам становления данного системообразующего института в рамках единой системы публичной власти, диссертантом детально проанализированы ключевые характеристики политических отношений, философских учений и законодательства, начиная с образования на Пиренейском полуострове в V веке Вестготского государства, формирования в XIX – XX веках испанской конституционной доктрины и заканчивая периодизацией развития института главы государства с учетом специфики и особенностей процесса государственного строительства в контексте национальной модели монархической формы правления.

Во второй главе соискатель критически исследует опыт королевской власти в Испании, акцентируя внимание на трех наиболее важных периодах трансформации данного системообразующего публично-правового института страны: первой трети XIX века, в течение которого процесс государственного строительства олицетворялся «октроированной» Конституцией 1808 года и Политической Конституцией испанской монархии 1812 года, для которой «примером для подражания» послужила французская Конституция 1791 года, установившая монархию ограниченного типа; времени правления Изабеллы II, в течение которого были обнародованы несколько учредительных документов - Королевский статут 1834 года, Конституции 1837, 1845 и 1856 годов, в целом внесших соответствующий вклад в развитие института главы государства; период, включавший в себя последнюю треть XIX века - первую треть XX века, характеризовавшийся ребрендингом монархической и республиканской формы правления, системы разделения властей и механизмов политического режима.

В третьей главе рассматриваются особенности генезиса института главы государства в период, начиная с революционных преобразований, важнейшим политико-правовым итогом которых станет появление Второй республики, принятие Конституции 1931 года и учреждение поста президента (в итоге не получившего полноценного развития), введением института личной власти в

форме «суверенной диктатуры» генерала Франко и его почти сорокалетнее правление в качестве каудильо, и заканчивая постепенной реставрацией монархии и принятием Конституции 1978 года. Осуществляя сравнительный анализ статуса и полномочий президента Второй республики в качестве главы государства, закрепленных в учредительном акте 1931 года, соискатель вполне справедливо делает вывод, что законодатель не посчитал возможным наделить его значительным объемом полномочий, в том числе и теми, которыми ранее обладал король, в связи с опасениями народных избранников, что создаваемый публично-правовой институт может в определенных ситуациях представлять угрозу республиканскому строю и политической системе в целом, в основном сконцентрировав большинство его полномочий в сфере представительских, «сдерживающих» и «резервных» функций. Критический анализ действующей Конституции, осуществленный диссертантом, показывает, что статус короля, его место в политической системе свидетельствует о том, что его полномочия - носят символический, представительский, арбитражный и «сдерживающий» характер, тем самым подчеркивая не только дань национальной традиции, но и факультативность и архаизм института испанской монархии.

В четвертой главе институт главы государства исследуется в контексте принципов конституционного строя Испании на соответствующей стадии государственного строительства, первый параграф которой посвящен анализу эволюции принципов замещения поста главы государства на различных этапах исторического процесса, второй - принципу суверенитета и его эволюции в процессе конституционной истории Испании. В этой связи обращает на себя внимание детальный сравнительно-правовой анализ механизмов и принципов престолонаследия, в рамках которого особый акцент был сделан на опыт, с которым были связаны «кастильская» и «салическая» модели, действовавшие на полуострове в рамках конкретных этапов развития монархической формы правления, способствовавшие передаче власти как по мужской, так и женской линии. Касаясь проблем замещения должности президента (главы государства при республиканской форме правления) также выявлено ряд особенностей.

В пятой главе, посвященной исследованию института главы государства в системе органов государственной власти Испании, речь идет о королевской власти и ее взаимоотношениях с Кортесами, центральным правительством и Верховным судом, с учетом особенностей и специфики формы правления на том или ином этапе исторического процесса. Важнейший вывод, к которому приходит диссертант в результате критического анализа, состоит в том, что на протяжении XIX – XX веков степень самостоятельности монарха как главы государства была максимальной по конституциям и иным учредительным актам, основанном на королевском суверенитете, и во время личной власти генерала Франко. Наиболее детальная регламентация статуса и полномочий главы государства была предусмотрена для действий президента в период Второй республики, практическая реализация которых была возможна лишь в строго конституционных рамках.

В заключении подводятся итоги историко-правового и сравнительно-правового исследования института главы государства в Испании и намечается проблематика для дальнейших научных исследований. Диссертантом вполне справедливо подчеркивается, что испанский институт главы государства оказал влияние на развитие процесса государственного строительства целого ряда западноевропейских и латиноамериканских государств, в связи с чем представляется перспективным вывод о необходимости изучения испанского опыта формирования и эволюции института главы государства, его прямого или косвенного воздействия на аналогичные процессы в других странах.

Вместе с тем в диссертации Т. А. Алексеевой, на наш взгляд, имеется ряд констатаций, обобщений и выводов, относимых к дискуссионным, либо требующих дополнительной, более углубленной научной аргументации, как правило обусловленных тем обстоятельством, что в работе в той либо иной степени в рамках отдельных разделов превалирует не сравнительно-правовой, а историко-правовой характер анализа, в рамках которого критический аспект нередко играет, к сожалению, факультативную роль. Высказывая те или иные

замечания, нельзя, тем не менее, не отметить, что в целом они не влияют на исключительно положительную оценку рецензируемого исследования.

Во-первых, исходя из того очевидного факта, что Испания относится к тем европейским странам, где в свое время были заложены основы правовой системы, вошедшей в историю государства и права как «романо-германская», представлявшая собой синтез римской и германской традиции, оказавшим непосредственное или косвенное влияние на генезис и дальнейшее развитие средневекового испанского права, не может не вызывать вопросов отсутствие (при наличии упоминания об «уникальности эволюции», в контексте которой протекал процесс поэтапного формирования понятия «главы государства» в качестве системообразующего публично-правового института) развернутой авторской точки зрения на то, какими тенденциями, особенностями и спецификой характеризовался процесс взаимодействия римских и германских правовых традиций в период становления королевской власти на Пиренейском полуострове в масштабах «вестготской парадигмы», так как у неискушенного исследователя, далекого от проблем, рассматриваемых в диссертации, может возникнуть обманчивое впечатление о незначительности влияния (или его поверхностности), оказанного римским правом на ее актуализацию.

В этой связи, следует подчеркнуть, что римское право было привнесено на Пиренейский полуостров, заселенный иберийскими племенами, вообще не имевшими каких-либо навыков государственного строительства, в процессе «романизации» юго-запада Европы в III веке до нашей эры, когда завоеванная римскими легионами территория получила - в первоначальной редакции под наименованием Ближняя и Дальняя Испания - официальный статус одного из регионов римской провинциальной системы. Со временем Ближняя Испания трансформировалась в Бетику и Лузитанию, которые были отнесены к так называемым сенатским провинциям, где функционировали, назначавшиеся сенатом, проконсулы. В свою очередь Дальняя Испания, входившая в юрисдикцию непосредственно императора, осуществлявшего управление при помощи легатов, стала именоваться Тарраконской. К сожалению, об этом

периоде «приспособления» римского права к процессу государственного строительства в работе практически ничего не говорится, несмотря на тот факт, что он включал в себя несколько столетий, в течение которых протекала «романизация», оказавшая огромное влияние на формирование средневековой кастильской правовой системы в целом и королевской власти в частности.

Вторая волна адаптации норм римского права к «требованиям дня» в Испании связана с образованием в V веке нашей эры государства вестготов, в котором преимущественно действовало «варваризированное» римское право, представлявшее собой существенное отступление от классической модели, поскольку восприняло ряд правовых обычаев и традиций германских племен и постепенно смешивалось с развивающимся феодальным правовым началом.

Период зарождения вестготского законодательства ассоциируется с правлением Теодорика I (419 – 451 год) и Теодорика II (453 – 466 год) и особенно с появлением в 475 году первой крупной кодификации вестготского права, известной под названием «Кодекс Эйриха». В этой связи, нельзя не отметить, что в испанской историко-правовой литературе «Кодекс Эйриха» квалифицируется в качестве первого национального кодифицированного акта вестготов. Важнейшей вехой в указанном направлении следует рассматривать составление «Бревиария» Алариха II (обнародованного через тридцать лет после «Кодекса Эйриха»), где, однако, еще в весьма значительной степени сохранялись римское право и римская юридическая техника (*Lex Romana Visigothorum*). В период правления вестготского короля Леувигильда (572 – 586 год) принимается кодекс, особенностью которого явилось то, что его составители сделали крен в сторону «германизации» вестготского права, в том числе по причине того обстоятельства, что Леувигильд вел чрезвычайно активную борьбу против католицизма, постепенно вытеснявшего арианство, являвшегося официальной религией вестготского государства. Возросшее влияние испано-готского права отразил сборник «Фуэро Хузго» (*Fuero Juzgo*), составленный в 654 году при короле Ресесвинте. В историко-правовой литературе этот акт считается крупнейшей кодификацией раннефеодального

кастильского права (он известен и под другим названием - «Liber Idictorum» («Судебная книга»), аналогов которому, по существу, не было в Европе того времени. О степени влияния данных правовых памятников на последующую историю государства и права Испании свидетельствует тот факт, что «Фуэро Хузго», правда во многом уже в качестве вспомогательного источника права, действовал вплоть до принятия в 1889 году Гражданского кодекса.

Третья волна воздействия системы римского права на феодальное право Испании связана с общим процессом рецепции римского права в Западной Европе, начиная с XI – XII века. Римское право стало опорой королевской власти, нашедшей в нем теоретическое обоснование своих притязаний на объединение страны и ее освобождение от арабского господства. Оно легло в основу целого ряда, составленных в XIII веке, королевских юридических сборников, вобравших в себя, в том числе, и нормы традиционного испанского феодального права: «Королевское фуэро» (Fuero Real), «Зерцало» (El Espejuelo), «Семь партий» (Las Siete Partidas). Уже в первом из этих сборников была предпринята попытка унификации государственного, гражданского и уголовного права, а также судопроизводства на основе традиционного законодательства и правовых сборников (Фуэро Хузго), но с использованием норм глоссированного римского права.

Наиболее значительным памятником средневекового испанского права считаются «Семь партий», датируемые 1256 – 1265 годами, оказавшими, в том числе, существенное влияние на развитие представлений об институте монархической власти, отразившими правопорядок в Испании на стадии завершения Реконквисты и начала объединения страны. «Партиды», явившиеся своего рода «материализацией» итогов нормотворческой деятельности короля Альфонса X Мудрого, представляли собой обширную правовую компиляцию. По стройности своей системы они приближались к кодификации, поэтому в историко-правовой литературе Испании нередко именуется «Кодексом семи партий», ставшими, по существу, своеобразным компромиссом между испано-готским и римским правом, между кодифицированным обычаем и «писанным

разумом». Именно в этом сборнике влияние римского права («Свода законов» Юстиниана, толкования глоссаторов и т. д.), а также норм канонического права («Декреталий», папских булл и т. д.) было особенно глубоким, что не должно было остаться за скобками сравнительно-правового анализа диссертанта.

Во-вторых, еще одним из фундаментальных источников, историко-правовой и сравнительно-правовой анализ которого был выведен автором за скобки критического анализа процесса генезиса королевской власти, следует рассматривать каноническое право, оказавшее огромное влияние не только на специфику становления, исследуемого в диссертации системообразующего публично-правового института Испании, но и на его последующее развитие и трансформацию, в том числе при переходе от абсолютизма к монархической форме правления ограниченного типа. Наиболее ярко влияние канонического права на формирование основ института королевской власти в контексте ее божественного происхождения впервые проявилось в «Семи партидах». Так, опираясь на постулат апостола Павла («Всякая власть от Бога»), высказанный в «Послании к римлянам», в указанном источнике средневекового испанского права констатируется сакральный характер не только происхождения светской и религиозной власти, но и их институционального единства, исходящего из двойственности человеческой природы, объединяющей душу и тело (различие состояло лишь в том, что объект их воздействия носил дифференцированный характер: в одном случае - над душами людей, в другом - над их телом).

Информация о природе монархической власти и короле в той либо иной степени встречается во всех разделах «Семи партид», включающих в себя прологи, титулы и законы, тем не менее наиболее отчетливо указанные вопросы сформулированы во «Второй партиде», начиная со статуса короля, его прав и обязанностей и заканчивая обоснованием необходимости данного института, о чем свидетельствуют, в частности, названия законов (например, «Что такое король», «Что есть король и почему так называется», «Почему подобает, чтобы был король, и какое место занимает», «Какова власть короля и как должен ею пользоваться», «Как король должен любить Бога за великое

добро, что есть в нем», «Каким должен быть король в самом себе и прежде всего в своих помыслах» и т. д.). Более того, именно во «Второй партии» речь прямо идет о божественном происхождении королевской власти, используя в качестве аргумента глагол *tener*, подчеркивая тем самым сакральный характер и непосредственно короля, и его власти (например, «Король обладает местом Бога», «Король держит свою власть и свои полномочия по воле Бога, который оказывает ему такую честь», «... и еще должен король знать Бога через веру... если... не будет его знать, не должен знать также ни имени, которое имеет, ни места, которым обладает», «... надо, чтобы его (Бога) боялся... еще и потому, что обязан давать отчет ему в этом мире и в другом, поскольку обладает его местом на земле» и т. д.).

В контексте отмеченной особенности, во многом связанной с процессом актуализации монархической формы правления и ее абсолютизацией, на наш взгляд, было бы целесообразным в рамках сравнительно-правового анализа (в качестве иллюстрации взяв Англию после вступления в силу «Великой хартии вольности» 1215 года, в той либо иной степени ограничившей власть монарха, и появления основ парламентаризма) исследовать обусловленность, характер, причины тех тенденций, которые наблюдались в Испании при формировании системообразующего института политической системы страны. Тем более, что уже в этот период государственного строительства влияние католицизма и канонического права носили всеобъемлющий и во многом беспрецедентный характер, проявлением чего со временем станет инквизиция, занявшая особое место в подавляющем большинстве областей общественных отношений. Тем не менее, указанные вопросы не нашли своего отражения в тексте работы, что несколько сужает перечень проблем, анализ которых мог бы более рельефно проиллюстрировать специфику становления и развития испанской монархии.

В-третьих, подчеркивая (с учетом изложенной в диссертации авторской научной аргументации) целесообразность, наряду с историко-правовым, более развернутого сравнительно-правового анализа, нельзя не признать того факта, что работа нередко носит поверхностно-описательный, а не аналитический

характер, с превалированием констатаций, присущих учебникам или учебным пособиям, в рамках которых используется несколько иная методология подачи материала, чем в монографических исследованиях. Естественно, конституций и иных учредительных актов много, но необходим прежде всего их анализ.

Иллюстративным примером того, о чем шла речь выше, могут служить процессы, практически параллельно наблюдавшиеся в Испании и Франции, по существу в течение всего XIX века, обусловленные своего рода ребрендингом формы правления, условной «отправной точкой» которого в одном случае (во Франции) следует рассматривать октроированную Людовиком XVIII 4 июня 1814 года Конституционную хартию, восстановившую монархию, в другом – Политическую Конституцию испанской монархии 1812 года (в источниках ее нередко именуют «Кадисской» по месту принятия), которая во многом носила заимствованный характер, являясь, как справедливо отмечает диссертант, «... типичным образцом либеральной модели основного закона, характерной для первого этапа конституционного развития европейских государств». Именно в рамках сравнительно-правового анализа должны были быть показаны как общие, так и специфические национальные черты, присущие при переходе от одной формы правления к другой. На наш взгляд, от этого работа только бы выиграла, тем более что объем материала давал возможность это сделать не в ущерб авторской концепции института главы государства.

В-четвертых, исходя из того обстоятельства, что Испания в течение ряда столетий являлась одним из крупнейших колониальных государств с развитой системой колониального права, включавшей в себя как нормативно-правовые акты центральной королевской власти (седулы, статуты, ордонансы, декреты, приказы, постановления, приказы), издаваемые специально для «Индий», так и акты колониальной королевской власти и децентрализованного управления обширными заморскими территориями, просуществовавшими, практически, вплоть до 90-х годов XIX века. Одним из важнейших неcodифицированных источников колониального права периода становления колониальной системы считается «Свод законов королевств Индии» (*Recopilacion de las leyes de los*

Reinos de las Indias), изданный в 1680 году - первый и единственный в истории права столь обширный и систематизированный сборник колониального права, включавший в себя более шести тысяч трехсот законов, по своей юридической технике представлявший одно из значительных явлений XVII века.

Говоря о периоде (в первую очередь XIX веке), являющемся предметом и объектом исследования рецензируемой диссертации, нельзя не отметить той существенной роли, которую сыграла Политическая Конституция испанской монархии 1812 года, предоставившая заморским территориям, входившим в колониальную систему, широкие права в рамках децентрализованной модели управления и судопроизводства, вплоть до представительства в Кортесах. Не меньшее значение нормы и акты колониального права имели и на развитие национальных правовых систем латиноамериканских государств, получивших в XIX веке независимость и вставших на путь самостоятельного развития, в том числе в контексте республиканской формы правления и института главы государства в целом. Специфика, в частности, состояла в том, что отдельные источники колониального права и ряд его норм сохраняли свое официальное значение и после провозглашения заморскими территориями независимости, и длительное время применялись в судебной и административной практике. Более того, многие принципы, институты и нормы колониального права в ходе подготовки национальных законов независимых государств Центральной и Южной Америки вошли в них либо в своем первоначальном, либо в несколько преобразованном или адаптированном к новым социальным и политическим условиям виде. Наконец, традиционная юридическая техника, выработанная в испанском колониальном праве и уходящая своими корнями непосредственно в догму и систематику римского права, явилась фактором, в той либо иной степени благоприятствовавшим восприятию в Латинской Америке многих норм буржуазного права, представленного так называемой «континентальной семьей» права. К сожалению, тот факт, что Испания являлась не только одной из колониальных империй, но и страной, обладавшей собственной системой колониального права, одним из центральных институтов которой в течение

многовекового колониального периода рассматривалась королевская власть, ее представители, структуры управления и суда, не нашел своего адекватного отражения в диссертации, так как специфика испанской монархии в течение многих лет была обусловлена наличием колониальной составляющей.

В-пятых, в работе, посвященной Испании, где процесс государственного строительства до сих пор в большей либо меньшей степени обусловлен национальным контекстом (на наш взгляд, испанцы представляют собой не что иное, как политическую нацию, а не единый, с этнической точки зрения, народ), имеющим ярко выраженные исторические особенности, в том числе связанные с многовековым арабским господством и колониальным периодом, нельзя было не коснуться трансформации представлений об институте главы государства и их реализации на соответствующих этапах с учетом специфики территориального устройства, процессов централизации и децентрализации публичной власти и управления, регионализации и автономизации. В данном случае сравнительно-правовой анализ дал бы возможность показать, почему в Испании и, например, Великобритании унитарный характер территориального устройства длительное время не ставился под сомнение, актуализируя в итоге тенденции федерализации государства, как это произошло во многих бывших испанских и британских колониях или доминионах. Способствовала ли форма правления тому, чтобы, несмотря на абсолютный или ограниченный характер монархической власти, территориальное устройство страны было неизменным и не подвергалось корректировке со стороны национальных и региональных правящих элит? Не исключено, что стремление отдельных регионов выйти из состава Испании (наиболее яркий пример Каталония) и создать независимые национальные государства свидетельствует помимо прочего о том, что их уже не устраивает статус автономных образований, ограничивающий суверенитет.

В-шестых, одной из тенденций последних лет, проявления которой так или иначе наблюдаются в Европе, следует рассматривать процесс фашизации и нацификации не только политических режимов, но и более широкого круга общественных отношений, во многих чертах и аспектах напоминающий собой

ситуацию, имевшую место в середине 1920-х – начале 1940-х годов XX века, в том числе и в Испании. Приход к власти генерала Франко и установление в стране авторитарно-тоталитарного режима были одним из звеньев указанного процесса, в результате которого либеральная демократия потерпела крах.

С разницей в несколько лет в Италии стал господствовать фашизм, во главе с дуче, в Германии национал-социализм, олицетворяемый фюрером, в Испании установился режим, ассоциируемый с каудильо, просуществовавший дольше всех. Диктатуры аналогичного типа возникли в Португалии, Венгрии, Румынии и целом ряде других европейских государств. Между фашизмом, нацизмом и каудильизмом с институциональной точки зрения было как много общего, так и специфического, в связи с чем ни о каком тождестве не должно быть речи, в противном случае с каудильизмом было бы покончено примерно в одно время с итальянским фашизмом и германским национал-социализмом. Сравнительно-правовой анализ позволил бы показать, что способствовало, так или иначе, актуализации тенденций фашизации и нацификации политических режимов, так как их, практически параллельное, появление в начале 1920-х годов (сентябрь 1923 года - мятеж в Барселоне «железного хирурга», генерала М. Примо де Ривера, предшествовавший приходу к власти в 1936 году Франко) в качестве своего рода исторической альтернативы буржуазному либерализму и коммунизму во многом носило закономерный, востребованный элитами и широкими слоями населения характер, и было обусловлено комплексом как объективных (социальных, экономических), так и субъективных факторов.

Соискатель вполне справедливо отмечает, что приход к власти генерала Франко во многом корреспондирует тому, как на «авансцену» исторического процесса в свое время вышли лорд-протектор Оливер Кромвель и император Наполеон Бонапарт, вместе с тем было бы уместным проанализировать и то, в чем, по мнению диссертанта, следует искать причины и закономерности того, почему правящие классы и ближайшее к ним окружение наотрез отказались от пролонгации существовавших форм правления и политических режимов.

Кроме того, феномен каудильо - явление, достаточно хорошо известное практике государственного строительства стран Латинской Америки, анализ которого, с учетом того, что он имеет глубокие испанские корни, уходящие в колониальный период, был бы весьма целесообразен и иллюстративен с точки зрения сравнительно-правового характера диссертационного исследования.

Подводя итог, нельзя не признать того, что отмеченные дискуссионные положения никак не снижают общей, весьма положительной оценки данного исследования. На основании изучения текста диссертации, автореферата и научных публикаций соискателя можно сделать следующие выводы:

1. Докторская диссертация Алексеевой Татьяны Анатольевны написана самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и концептуальные обобщения, выносимые на публичную защиту, которые свидетельствуют о существенном личном вкладе автора диссертации в отечественную науку истории государства и права.

2. Докторская диссертация Алексеевой Татьяны Анатольевны является актуальной, завершенной научно-квалификационной работой, отличающейся новизной, критичностью, аргументированностью и обоснованностью научных выводов. Она содержит ряд доктринальных положений, представляющих собой научное достижение в области истории государства и права зарубежных стран.

Диссертация и автореферат Алексеевой Татьяны Анатольевны в целом соответствуют критериям, предъявляемым к диссертационным исследованиям на соискание ученой степени доктора юридических наук, закрепленным в п. п. 2.1 - 2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена, согласно требованиям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

3. Автор диссертации - Алексеева Татьяна Анатольевна заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.1. – «Теоретико-исторические правовые науки».

Официальный оппонент:

**Заведующий кафедрой конституционного
права и конституционного судопроизводства
Юридического института ФГАОУ ВО
«Российский университет дружбы народов» (РУДН),
доктор юридических наук, профессор**

В.В. Еремян

3.03.23

Место работы:

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Юридический институт, кафедра конституционного права и конституционного судопроизводства

Сайт: <http://law.rudn.ru/>

Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, каб. 458.

Тел: +7 (495) 787 38 03, доб. 1502.

E-mail: eremyan-vv@rudn.ru

Подпись профессора В.В. Еремяна удостоверяю:

Ученый секретарь Ученого совета

Юридического института ФГАОУ ВО РУДН

Е.Ю. Комлев